

Краткая история Франции до Французской революции. Сочинение Мишле...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ ДО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Сочинение Мишле, профессора исторических наук. Перевел с французского Константин Пуговин. 1838. Санкт-Петербург. В типографии департамента внешней торговли. 329. (8).

"Не родись умен, не родись пригож -- родись счастлив",-- говорит русская пословица; мы вспомнили ее, читая уродливую компиляцию Мишле и видя, что она переведена хорошо. Предосадно читать дурные книги, хорошо переведенные: это все равно, что читать хорошую книгу, дурно переведенную.

Во Франции есть свои явления умственного мира, достойные всякого уважения, представители нации, делающие ей честь. Условие достоинства французских ученых такого рода заключается непременно в их народности, в том, чтобы они были французами по преимуществу и вполне выражали собою дух своего общества. К таким людям принадлежат: Кювье, Депюитрен, Жоффруа де Сент-Илер, Гизо и некоторые другие; это, по большей части, умы точные, практические, глубокие и основательные в своей сфере, верные своей точке зрения. Кроме того, как все люди с истинным достоинством, они добросовестны, не любят фанфаронад и громких фраз. У французов есть способность рассказывать факты, представлять исторические события в связи и картинно, и, в этом отношении, особенно можно указать на Тьерри, известного своим превосходным творением "*La conquete de l'Angleterre par les Normands*"¹. Да, истина непреложная, что у всякого народа есть своя жизнь, свое значение, своя действительность и своя призрачность, свое великое и свое пошлое. Мы сказали о великом французского народа в учено-литературном отношении: перейдем к его пошлому.

Во Франции, после революции и владычества Наполеона -- событий, познакомивших ее с другими народами, вдруг произошла сильная реакция всему старому. Реакция эта с особенною силою выразилась в литературе. Франция разрушила капища кумиров своих, сбросила их статуи с пьедесталов и разбила их. Корнель, Расин, Буало, Мольер, Кребильон, потом Вольтер со всем энциклопедическим причетом² -- все это было ниспровергнуто, отринуто. Вдруг образовались две школы: *идеальная* и *неистовая*³. Представители первой были Шатобриан и Ламартин. Бесспорно, это люди честные, добрые; но в поэзии требуется нечто другое, кроме хорошего поведения,-- требуется дар творчества, который один может сделать человека художником, а его-то у них и не доставало, по крайней мере в соразмерности с их претензиями на художническую генияльность. Но что ж долго думать? -- Если не художественность -- так фразы, не гений -- так претензия на генияльность. Они так и сделали. Это самая опасная и вредная школа, потому что ничто так не портит молодых людей, как приторная чувствительность, надутая возвышенность и вообще фразерское направление. Такая поэзия делает людей призраками, закрывая от их глаз, туманом фразеологии, живую действительность. Шатобриан имеет еще значение как государственный человек, много живший, много видевший, и как писатель собственно, а не поэт; но Ламартин с своими неистощимыми слезами о бедствиях человеческих и чуть ли не полумиллионом годового дохода, с своим поэтическим ореолом из золоченой бумаги и претензиями на политическую значительность, с своими заоблачными мечтаниями и светскою мелочностью, есть не что иное, как длинная водяная элегия, начиненная искусственными вздохами и поддельными слезами, пышная фраза на ходулях, риторическая восклицательная фигура. Но что нужды? -- Франция провозгласила его великим поэтом, а огромная нация *добрых людей*, рассеянная по всему белому свету, поверила ей на слово. Вот какова *идеальная* школа романтических поэтов Франции. *Неистовая* не такова. Она происходит по прямой линии от Байрона. Дело вот в чем: Байрон, как новый атлант, поднял на свои мощные рамена страдания целого человечества, но не пал под этою ужасною тяжестью. Душа его была -- бездонная пропасть; его притязания на жизнь были огромны, и жизнь отказала ему в его требованиях. Он оперся на самого себя и, новый Прометей, терзаемый коршуном -- ненасытимою жаждою своего беспокойного духа, вопли гордой души своей